

Скандал в Королевской опере

В начале года Королевская опера Ковент-Гарден жила ожиданием большого события — премьеры оперы Массне «Керубино», лирической комедии, как бы продолжающей моцартовскую «Свадьбу Фигаро». Эта опера никогда не шла в Англии (кстати, в России тоже). Музыкальным руководителем новой постановки был Геннадий Рождественский, что подогревало и без того немалый интерес публики.

И вдруг за неделю до премьеры — скандал: Геннадий Николаевич отказался от постановки, ушел с репетиции и уехал в Стокгольм.

Первое, о чем меня попросили в Ройял Опера-Хауз, не сообщать о происшедшем в российской печать: администрация Ковент-Гарден надеялась уладить инцидент. Но на следующий день лондонские газеты поместили информацию и собственные версии случившегося: дирижер якобы «нерегулярно посещал репетиции» (что легко мог бы опровергнуть любой журналист, не поленившийся позвонить в администрацию театра); другие сообщали, что maestro Рождественскому «что-то послышалось»; критики солиднее рассуждали о расхождении взглядов на темпы оперы дирижера и режиссера...

Дождавшись возвращения Рождественского в Лондон, я получил информацию, как говорится, из первых рук.

Итак, слово maestro:

— Конечно, разговоры о «неявках Рождественского на репетиции» не что иное, как попытка дезавуировать конфликт, возникший между мной и режиссером Тимом Албери. Дело не в повышенной моей обидчивости, как писали некоторые газеты, пытаясь свести все к простому несогласию в выборе тем или иных темпов... Суть конфликта в следующем: на одной из репетиций режиссер во всеуслышание назвал меня форменным идиотом, ни черта не смыслящим ни в темпах, ни в танцах, ни в опере вообще. Сделано это было в выражениях столь грубых и непечатных, что я, честно говоря, сразу и не понял, но оркестр тут же поднялся с мест и устроил режиссеру обструкцию! Я немедленно прервал репетицию и потребовал от театра, чтобы Албери публично извинился передо мной и оркестром.

На следующий день я пришел на репетицию и сел за пульт. Подошел ассистент режиссера и спросил: «Почему мы не начинаем?» Я ответил, что еще не слышал извинений, на что постановщик сказал, что извиняться не будет; вот тогда я поднялся и ушел домой.

Через короткое время мне принесли три письма: извинения и сожаления о случившемся от дирекции Ковент-Гарден, музыкального руководства театра и от всего оркестра, что меня тронуло больше всего. Однако молодой и задорный Албери извиняться так и не пожелал. Я думаю, вполне понятно, что продолжить эту работу я уже не мог...

Остается добавить, что множество музыкантов выразило Геннадию Николаевичу искреннюю и горячую поддержку; оркестр, обожающий дирижера, был чрезвычайно расстроен. Надо сказать, что подобный инцидент, скорее типичный для российских театров, для Ковент-Гардена — необычайная редкость.

Кирилл ШЕВЧЕНКО,

Лондон

Маск. новости - 1994 - 6-13 марта - с. 96